

Суббота, 6 ноября

Сесилия Врееде осторожно ступала по подвалу, чтобы не испортить улики. Пол тонким слоем покрывала упавшая с потолка и стен бетонная пыль. Повсюду, среди разбросанных комков влажной земли, стояли маленькие желтые таблички-указатели, словно рекламные плакаты в миниатюре.

Все еще бросалось в глаза, что когда-то здесь была уютная комната для отдыха. Сейчас тут пахло плесенью, влага просочилась сквозь стены и вдоль плинтуса свисали большие куски обоев. Штукатурка покрылась трещинами и неровностями.

Диван остался единственным более-менее целым предметом мебели, хотя тоже изрядно пострадал. Вся обивка была в отметинах, вероятно, от ножей — из разрезанной кожи торчал наполнитель. Журнальный столик разломан на части, как и телевизор и кресло перед камином. Стекланный экран кованой каминной решетки разбит. Пепел и уголь разбросаны по треснувшей плитке. Местами она откололась, обнажив бетонный пол. Среди пепла и земли поблескивали зеленые осколки винных бутылок и крошка каминного стекла.

В хаосе из земли и мусора виднелись следы крови. Кто-то протащил тело из комнаты отдыха вниз, в подвальный коридор.

Сесилия набралась смелости.

— Куда он ведет? — спросила она, глядя на след. Вид крови давно не вызывал у нее сильных эмоций. Но и ей стало не по себе от красно-коричневого следа. Сесилия понимала, чего ожидать.

— Как обычно, — ответил Юнас Андрён, ее ближайший коллега, и с шелестом указал куда-то вглубь подвала. Сесилию не покидала мысль, что в белом защитном комбинезоне Юнас похож на огромного младенца. Очки торчали из-под натянутого на голову капюшона. Наверняка она выглядит так же глупо.

— В кладовую. Я покажу тебе.

Сесилия кивнула и осторожно пошла за Юнасом мимо котельной, стараясь не наступать на кровь. Яркий свет из приоткрытой двери выхватил еще больше земли на полу. Отпечатавшиеся в грязи следы обуви были тоже помечены желтыми табличками.

— Ходи там как можно аккуратнее, — сказал Юнас. — Криминалисты еще не успели взять кровь на анализ. Хотя мы, в общем-то, уверены в том, кто это. Ее звали Линда Сандстрём, разведенная мать двоих детей. Купила дом несколько лет назад, а сейчас прокладывала новую дренажную систему.

Сесилия кивнула:

— Как и прочие уже найденные жертвы. Мне пришлось пробираться внутрь, когда я пришла. Вокруг дома все раскопано.

Кладовая утопала в резком электрическом свете. Он слепил Сесилию и отражался в защитном костюме Юнаса. Собираясь с духом, Сесилия пару раз моргнула, чтобы глаза привыкли к свету. Она столько раз все это проходила, что должна была уже привыкнуть. Тем не менее она чувствовала, как учащается пульс, а к горлу подступает тошнота. Ей доводилось видеть столько жертв убийств и в таких неестественных позах, что она умела, не успев испугаться,

отключаться от самого ужасного. Но с увиденным сейчас она не могла смириться, как бы часто ей ни приходилось сталкиваться с подобным. Тела нет. А когда нет окровавленной жертвы — это еще хуже, чем когда она есть.

В центре помещения пол был разломан снизу. Вокруг отверстия лежали горы земли, куски бетона и осколки кафельной плитки. Земля кишела червями, извергалась черными насекомыми. Кровавый след обрывался у края. Сесилия села на корточки около дыры, достаточно большой, чтобы в нее мог пролезть человек. Заглядывая в узкий подземный тоннель, она чувствовала, как темнота смотрит на нее в ответ. От головокружения она оперлась рукой на пол, чтобы не потерять равновесие.

Она терпеть этого не могла. Жертва преступления отсутствовала. И опять Сесилии не за что зацепиться. Как будто все это расследование проклято с самого начала.

Сесилия покачала головой:

— Черт подери!

— Ожидала чего-то другого?

— Нет, — ответила она, поднимаясь. — Но надеялась.

— На что?

— Хрен знает. Хотя бы на обычное убийство?

Юнас рассмеялся:

— Сесси, сегодня 6 ноября. Ты знаешь, что случается в этот день.

Сесилия кивнула:

— Знаю. Все знают. Черт, как же я от этого устала!

Она растерянно огляделась. Кладовая была заставлена коробками. На одной из стен висела полка, заваленная нераспечатанными коробками с куклами Барби.

— Рано или поздно мы его поймаем, — сказал Юнас.

— Не знаю, не знаю.

Сесилия поежилась. «Если бы только куклы могли быть свидетелями», — подумала она. Куклы ей не нравились.

Нарисованные глаза обличали ее. Сесилия снова заглянула в дыру и покачала головой, а затем развернулась и вышла из кладовой.

— Справитесь сами, мне тут незачем оставаться.

— Куда направляешься? — спросил Юнас.

— А ты как думаешь? В участок. Кто-то же должен рассказать журналистам, что у Барсука новая жертва.

Акт первый

РУКОПИСЬ

Меня зовут Барсук. Вот моя история. Узнав ее, вы, возможно, посмотрите на меня другими глазами, но ничего уже нельзя будет изменить.

Воскресенье, 7 ноября

— Здесь я жить не хочу!

Анника Гранлунд улыбалась во все лицо, шепча эти слова на ухо Мартину Гранлунду.

Мартин вздрогнул.

— Почему это? — Он огляделся, чтобы удостовериться, не подслушивают ли их другие присутствующие на просмотре.

Светло-карие глаза Анники сверкали, словно она была на седьмом небе от счастья.

— Хватит, ты же знаешь почему.

Показная радость была лишь прикрытием, чтобы никто не заподозрил неладное.

— Не знаю, расскажи!

За окном гостиной в листьях березы посреди газона шелестел ветер. С нее на длинную траву, кружась, падала желтая листва.

— Если дело в кафеле в ванной, мы можем себе позволить его переделать.

— Дело не в кафеле, — прошептала Анника.

Приобняв супруга, она осторожно вывела его из гостиной, неотличимой от всех других гостиных, которые они за последние месяцы просмотрели. Она попала не домой,

а в агентское объявление. В лучшем случае в чью-то мечту о том, как должен выглядеть дом. Свежеокрашенные белые стены. Конечно, в цвет яичной скорлупы, а не в белоснежный. Модная мебель, море подушек на диване и повсюду беспроектный, но бестолковый декор. Анника могла поклясться, что и на других просмотрах видела эти же картины. Она узнала трещину в стекле на одной из них.

— Что же не так на этот раз? — несколько раздраженно спросил Мартин. — Я про то, что место хорошее. Удобный участок, как мы и хотели. И средства на покупку у нас есть, если цена не окажется уж совсем безумной.

Аника кивнула на лестницу, уходящую вниз в подвал. Снизу, из комнаты отдыха, доносились приглушенные голоса другой пары, обсуждавшей покупку. От звука шепота с лестницы по спине пробежал холодок.

Мартин наклонил голову:

— Да ты шутишь!

Аника улыбнулась, сжав губы, и покачала головой.

— Нет. Я не хочу жить в доме с подвалом. Я же говорила.

Мартин вздохнул.

— Думал, он тебе все равно понравится. Ты ведь не можешь отказываться вообще от всех вариантов с подвалом.

— Милый, конечно, могу. Есть куча домов без подвала, мы ведь можем их посмотреть?

Мартин пожал плечами.

— Хорошо. Я понял. С подвалом или без, если ты тут жить не хочешь, то и я не хочу.

Аника заглянула в его ясные голубые глаза. Она положила ладонь ему на щеку. Обручальное кольцо поблескивало на фоне рыжеватой бороды.

— Спасибо, любимый. Пойдем?

Он улыбнулся, но Аника заметила его попытку побороть досаду.

— Конечно!

Грунт на дорожке от входной двери к калитке хрустел под ногами, пока они шли к машине.

— Я понимаю, ты считаешь меня занудой, — произнесла Анника, пнув упавшую с соседской елки шишку. — Но я мыслю рационально. Знаешь, сколько забот с подвалом?

— Ну да, ты говорила. Влажность, нужно переделывать дренажную систему, плесень. Хотя, знаешь, есть и преимущества.

— Правда? — спросила Анника, косо взглянув на Мартина. — Назови хоть одно.

— Комната для хобби?

— И для какого? Ты все равно делаешь всё на компьютере.

— Тренажерный зал?

Аника рассмеялась. Мартин с ней за компанию. Он открыл машину.

— А домашний спа-салон?

— Это уже интереснее.

— Вот видишь.

— Пока ты меня не убедил.

— Игровая для детей?

Сердце сжалось в груди. Анника отвела взгляд и посмотрела в окно машины. Там находился дом — прямоугольное здание, построенное в 1974 году, из красно-коричневого кирпича, — который был окружен газоном, березами и невысокими соснами. За углом виднелись очертания серого строения в стиле функционализма, со скрытыми за изгородью из ветвистых кустов бетонными стенами.

Мартин наклонился к Сесилии.

— А когда они подрастут, смогут смотреть фильмы внизу, пока мы общаемся с друзьями в гостиной.

Она сглотнула:

— Ну да.

Одна из пар, тоже пришедших на просмотр, вышла на улицу. Женщина держала руку на набухающем животе. Мужчина указывал на что-то в выданной агентом брошюре. Анника бессознательно скопировала движение женщины и погладила живот под красным пальто. Тело изнывало от нетерпения. Они уже так давно пытаются.

— Одно понятно точно, — сказала Анника, снова посмотрев на Мартина. — Мы не можем заводить детей в квартире.

— Тут мы и троих могли бы завести.

Аника покачала головой и поймала взгляд Мартина.

— Двоих. В каком-нибудь другом доме. Без подвала. Поедем уже, а?

2

**Вам кажется, что дома вы в безопасности.
Никто не проникнет за вашу закрытую дверь,
не обманет работающую сигнализацию.
Но я проникаю сквозь пол.**

Понедельник 8 ноября

Анника вышла из трамвая на площади Йэрнторгет, пытается совладать с ветром и раскрыть зонт. Было утро понедельника, а осень в Гётеборге выдалась особенно пасмурной. Выход на улицу требовал недюжинной силы воли, и не меньше сил уходило на то, чтобы ровно держать зонт. В конце концов, ей пришлось по пути на работу поддаться порывам ветра, заливавшим ее холодным дождем, пока она маневрировала между лужами.

Проходя мимо кинотеатра «Дракен» и Народного дома, она была под защитой, но как только вышла на парковку перед желтым зданием бывшего склада, где находилось место ее работы, издательство Эклунда, ветер взял свое и взлохматил ей волосы. Вдали, над зданием склада, возвышался светло-голубой фасад теплоэлектростанции «Русенлундсверкет». За пеленой дождя Анника могла разглядеть наверху мигающие красные огни.

Шелест дождя, ударявшегося о мокрый асфальт, соревновался с постоянным гулом автомобилей, въезжавших и выезжавших из тоннеля Йотатуннельн. Белые огни в одну сторону, красные — в другую. В качестве ближайшей альтернативы дневному свету дни располагали лишь серой

дымкой в полдень. Все же, несмотря на осеннюю темноту и усыпляющий стук дождя по подоконнику, каждую ночь Анника пыталась погрузиться в более глубокий, чем беспокойная дрема, сон. Слава богу, холод и кофе давали ей достаточно бодрости, чтобы функционировать.

Анника срезала путь по парковке и дернула за ручку двери, ведущей на лестницу издательства. Как всегда, не заперто. Замок заедало, и дверь частенько оставалась незапертой на ночь, поэтому нередко на лестнице спали бездомные. Когда Анника приезжала на работу, они уже обычно уходили, и только одинокие пустые бутылки изобличали их присутствие. Как будто у бездомных был тайный уговор не тревожить жильцов, в надежде что из логова их не выгонят.

Прямо перед дверью лежала кучка мокрой земли, словно кто-то выронил цветочный горшок и не убрал за собой. Обойдя грязь, Анника вошла внутрь. Резиновые сапоги скользили по рассыпанным комьям земли.

Она покачала головой и поднялась по лестнице. «Отличное начало дня». Набрав код на двери офиса, она вошла в холл — просторное помещение, где на стенах висели обложки когда-то изданных здесь книг. Анника улыбнулась, увидев обложки к двум книгам из серии про Турваля — «Пасхальный человек» и «Женщина середины лета». Они стали самой успешной серией издательства и были ее личным достижением.

Анника повесила мокрое пальто на вешалку у двери и взяла немного бумаги из туалета. Пока она стирала с обуви землю, из комнаты отдыха вышла Катрин Фальк.

— Доброе утро, издательница! — сказала Катрин, один из редакторов. Она обеими руками держала большую чашку чая. — Мерзкая погода, да?

— Да уж, — ответила Анника, бросая грязную бумагу в корзину у двери. — Вы уже начали? Трамвай задержался, — солгала она.

Просто она, как обычно, вовремя не вылезла из кровати.
— Нет еще. Но остальные ждут в переговорной.

— Все? — Анника подняла брови. — Успею налить кофе?

Катрин кивнула:

— Так будет лучше всего.

Анника вопросительно посмотрела на Катрин, но та отвела глаза и удалилась в переговорную. Аннику кольнула тревога. Она пошла к себе в кабинет, где оставила сумку, достала контейнер с едой и ушла в комнату для отдыха. На часах — чуть позже девяти. Пора сделать что-нибудь полезное.

Каждое утро проходила встреча редакционной группы, где велось совместное обсуждение горки, как они любовно называли урожай присланных за прошедшую неделю любительских рукописей. Они давно оттуда ничего не издавали, но все издатели сходились во мнении, что к некоторым присылаемым рукописям стоит отнестись серьезно.

В конце концов, именно так однажды они получили рукописи Яна Апельгрена про Турваля. Несмотря на то что изданы они были давненько, те две книги по-прежнему обеспечивали четверть оборота издательства Эклунда. Шли даже разговоры об экранизации, но планы внезапно рухнули почти шесть лет назад, когда писатель с женой бесследно исчезли. Попытки их найти окончились неудачей, и в конце концов поиски прекратились. Фильм про Турваля исчез вместе с писателем. Просто не с кем теперь заключать договор об авторских правах.

Анника налила себе чашку дымящегося кофе и пошла в переговорную. Как всегда, по понедельникам стол завален распечатанными листами, но сегодня в помещении полно народу: все, кто работает в издательстве, от бухгалтеров до издателей и маркетологов. Их усталые глаза давали понять, что они ждут Аннику.

На короткой стороне стола сидел Фредрик Аск, исполнительный директор издательства. Он поглядел сквозь узкие очки на Аннику. Темные дужки контрастировали с проседью в его черных волосах и подчеркивали выразительные скулы.

Анника почувствовала неприятную тяжесть в груди. Странно, что Фредрик здесь. Он никогда не приходил на обсуждение рукописей. Он вел дела так, как будто это производство, где не следует заходить на фабрику без необходимости. Такой подход Аннике импонировал. Фредрик умел не вмешиваться в творческий процесс, пока тот приносил прибыль. Чего давно не случалось, напомнила она себе.

Анника выдвинула стул рядом с Катрин.

— Что-то серьезное? — шепотом спросила она.

Катрин в ответ пожала плечами. Фредрик терпеливо ждал, пока Анника сядет. Когда он заговорил, его голос резко нарушил тишину:

— Отлично, теперь все в сборе. Буду краток.

Он откашлялся и, как в молитве, положил руки на стол.

— Как вы знаете, книжная индустрия много лет находится в кризисе. Издательство Эклунда более-менее справлялось, во многом благодаря детективам, таким, как серия про Турваля и «Убийства на острове Варго» Стины фон Грюнинг. Но сейчас, к сожалению, реальность нас настигла. Цифры продаж изданий во всех жанрах оставляют желать лучшего. В прошлую пятницу начальство попросило меня составить отчет о финансовых результатах и информировать вас о ситуации.

— Что это значит? — спросил Тобиас Рённ, один из двух других издателей. Он наклонился вперед, скрестив руки. Закатанные рукава рубашки оголяли предплечья с густыми волосами.

Фредрик грустно взглянул на него.

— Попросту говоря, деньги почти кончились.

По переговорной прокатился приглушенный гул — беспокойное бормотание. Анника встретила с Катрин взглядом. Глаза Катрин округлились еще больше, чем обычно, а рот беззвучно открывался.

— Чего? — вырвалось у Ребекки Коллин.

От движения у нее на запястьях зазвенели металлические браслеты. Третья издательница — противоположность Анники: идеально покрашена, всегда в кольцах, браслетах и носит несколько ожерелий одновременно.

— Правление попросило меня максимально вас успокоить, — произнес Фредрик Аск. — Владельцы готовы вкладывать деньги еще некоторое время, но не буду лгать — если вы не увеличите продажи, то... вот.

— То что? — спросила Анника.

Фредрик обреченно развел руками:

— То мы просто-напросто обанкротимся.

За столом воцарилось молчание. Анника поставила чашку на одну из рукописей. В переговорной стало душно. Катрин покачала головой, но промолчала. Анника ощутила пустоту внутри. Слово «обанкротимся» призраком повисло в воздухе.

В конце концов, молчание прервал другой редактор, Йеспер Олссон. Наклонившись вперед, он уставился на Фредрика:

— Да что вы тут несете? Собираетесь нас уволить? Мы что, лишимся работы?

— Не могу сейчас ответить на этот вопрос, — сказал Фредрик. Анника заметила тоску в его голосе.

— Но вы же должны знать, —отреагировал Йеспер. Его щеки покраснелись и горели.

Тобиас поднял ладонь в подобии останавливающего жеста:

— Успокойся. Он же говорит, что не знает.

Йеспер откинулся на спинку стула и скрестил руки. Он раздраженно покачал головой.

— Не буду лгать, — произнес Фредрик. — Дела так себе. Но еще не все потеряно. — Он указал на стопки распечатанных рукописей. — Кто знает, может, здесь уже лежит спасение. Знаете, как это бывает — всего один бестселлер, и вот мы снова на коне.

Анника взглянула на рукопись, на которой стояла ее чашка. «„Реванш репортера“. Уж точно не он», — язвительно подумала она.

Катрин подняла убранный ею в голубую папку рукопись: — Я читала ее на выходных. Кстати, очень хорошая. — Она нервно заправила черную прядь волос за ухо, но та тут же снова выпала. Длины каре было недостаточно, чтобы ее удержать.

Фредрик засиял:

— Вот видите! Что это за рукопись?

— Ах, — выдохнула она и опустила глаза, покраснев.

Анника сочувствовала ей, уже хорошо зная этот взгляд: каждый раз, когда Катрин нравилось что-то, что, как она понимала, больше никому не понравится.

— Ну посмотрите, сколько такого все смотрят на «Нет-фликсе». И в кино.

— Опять тебя на фэнтези потянуло? — спросил Тобиас, злорадно глядя на Катрин. Та посмотрела на Аннику, ища поддержки.

— Научная фантастика, — ответила она. — Называется «Из пепла земли».

Аннике хотелось лишь обнять Катрин и прижать ее к себе, как ребенка. У Анники всегда возникало такое желание, когда коллега выступала со странными предложениями. Анника ограничилась самой доброжелательной из возможных улыбок. Надо сказать, издательство Эклунда однажды пыталось издать фэнтези-серию. Первая часть

продалась лучше, чем ожидалось, но владельцы не прониклись и не дали им издать остальное.

— Мне жаль, — начал Фредрик, — но вынужден отказать. Нам нужен бестселлер. Я сам могу сколько угодно любить альтернативные произведения, но сейчас не то время.

Катрин кивнула и положила рукопись на стол. Она еще некоторое время смотрела на титульную страницу, как будто прощаясь с текстом.

— Нам нужно что-то, что будет продаваться, — повторил Фредрик. — Ничего нет на примете?

«Убийства, — думала Анника, ожидая пока выскажутся коллеги. — Это продается. Лучше всего издавать убийства. Желательно приправленные грязным сексом». Ей становилось не по себе от этих мыслей. Литература изобиловала убийствами. В списках бестселлеров было полно нестабильных полицейских и чудовищных серийных убийц. Анника глубоко задумалась. Должно быть что-то другое, что-то уникальное, способное проломить стену. «Но что?»

— Да, у нас ведь скоро выходит новая книга из серии «Убийства на острове Варго», — отреагировал Тобиас. — Стина, правда, немного задерживается. Она отправила письмо с извинениями на прошлой неделе.

Аника силилась припомнить, читала ли она что-нибудь интересное в последнее время, что они, возможно, пропустили, но что стоит прочитать еще раз.

— Жаль, — сказал Фредрик. — Постарайтесь ее поторопить, Тобиас. А пока редакционная группа может выполнять функции кризисной группы. Найдите что угодно — главное, чтобы продавалось. — Он с вызовом взглянул на Катрин. — Ну, по крайней мере почти что угодно.

Тобиас сел ровнее.

— Хорошо, тогда я предлагаю сначала посмотреть, что у нас тут есть. Устроим первую серьезную кризисную встречу завтра утром. Что скажете?

Все молчали. За столом стояла красноречивая тишина. Фредрик извинился и покинул встречу, дав указание найти следующий бестселлер до июля. Остальные удалялись по одному, пока за столом не остались лишь участники редакционной группы.

Они смотрели друг на друга в некоем отчаянном безмолвии. Потом они предприняли все усилия, чтобы вернуться в привычное русло, и почти буднично поделили между собой присланные рукописи. Но в работе было нечто механическое. Все были шокированы. Все думали только о том, что могут потерять работу. Анника заметила, как Катрин тайком смахивает слезу.

Она ее понимала. Все они любили свою работу. Они знали про кризис в отрасли, но никто к такому не готовился. Никто не верил, что пострадает издательство Эклунда. Оно являлось крупным игроком на рынке дольше, чем Анника могла припомнить.

Они отложили в сторону больше рукописей, чем обычно. Ни у кого не было сил читать. Всё, что мгновенно не цепляло заголовком, немедленно попадало в брак. Как и рукописи, начинавшиеся с описания погоды. Потом все разошлись по рабочим местам, чтобы ответить на электронные письма.

Взгляд Анники блуждал между монитором и тонкой стопкой рукописей. Как будто реальность погрузилась в дымку. Она неохотно взяла верхнюю рукопись. Та не вызывала у Анники интереса. Сердцем она была не здесь. Листая рукопись полного надежд дебютанта, Анника думала только о том, что теперь будет с ее мечтами о доме и детях. Рискунут ли они купить дом, если ее уволят?